

УЗЖАЯ ТЕНЬ

МУНБИН МУР

18+

Мунбин Мур

Чужая тень

«Автор»

2026

Мур М.

Чужая тень / М. Мур — «Автор», 2026

Что, если ваша тень больше вам не принадлежит? Санкт-Петербург. В переулке возле галереи «Тень» убит её владелец. Следователь Вадим Крестовский обнаруживает запись с камеры наблюдения: тень убийцы движется сама по себе, и на её левой руке — шесть пальцев. Это лишь первое звено в цепи смертей, отмеченных римскими цифрами. Древний часовой механизм, созданный гениальным безумцем сто лет назад, запускает обратный отсчёт. Семь жертв, семь теней, один ритуал — и тот, кто встал на пути, рискует потерять собственную душу. С каждым шагом Крестовский погружается в лабиринт из зеркал, старинных дневников и зловещих знаков. Тени оживают, отражения перестают подчиняться, а грань между реальностью и кошмаром стирается. Чужая тень уже следует за ним. Сможет ли он остановить ритуал, не став его частью? Психологический детектив с двойным дном, от которого невозможно оторваться. История, где главный враг — ваше собственное отражение. Мунбин Мур — автор, превращающий тьму в искусство.

© Мур М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. След на кирпичной кладке	5
Г	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мунбин Мур

Чужая тень

«Часы отсчитывают время. Зеркала хранят отражения. Тени живут своей жизнью. И когда все трое сойдутся в одной точке, ты узнаешь, кто ты на самом деле — и кто смотрит на тебя из темноты».

Из дневника Викентия Кривцова, 1911 г.

Мунбин Мур

Глава 1. След на кирпичной кладке

Дождь стих только к полуночи, оставив после себя запах мокрого асфальта и прелой листвы — запах, который въедался в лёгкие и обещал долгую, липкую осень. Вадим Крестовский стоял в проёме арки, подняв воротник плаща, и смотрел, как мигает синий маячок на крыше служебной «Нивы». В переулке Кривом, зажатом между облезлыми торцами дореволюционных доходных домов, свет фонаря выхватывал из темноты блестящую брусчатку и очертания человеческого тела, накрытого серым полиэтиленом.

Тело лежало на боку, поджав ноги, словно пыталось спрятаться от холода. Одна рука высовывалась из-под плёнки — белая, с длинными пальцами пианиста, и на безымянном тускло поблёскивало платиновое кольцо. Следовательно по особо важным делам Вадим Крестовский задержал взгляд на этом кольце на секунду дольше, чем требовалось, — оно напомнило ему другое кольцо, снятое три года назад с руки напарника в морге. Он тряхнул головой, отгоняя непрошеное воспоминание, и шагнул к месту преступления.

— Вадим Сергеевич, — криминалист Зоя Бурова, плотная женщина с вечно поджатыми губами, кивнула ему из-за оградительной ленты. — Ножевое, одно проникающее в область сердца. Смерть наступила примерно в двадцать два сорок, плюс-минус десять минут. Удар точный, профессиональный. Либо повезло, либо знал, куда бить.

— Либо знал, — эхом отозвался Крестовский, приседая рядом. Он не любил слово «повезло» применительно к убийствам. Пластиковый бахил скользнул по мокрому камню, когда он осторожно приподнял край плёнки.

Лицо жертвы застыло в гримасе удивления — не страха, не боли, а именно удивления, будто человек не ожидал, что всё закончится так быстро. Широкий лоб, седеющие виски, аккуратно подстриженная борода. На вид лет пятьдесят, ухожен. Дорогой костюм, теперь безнадёжно испорченный кровью и дождевой водой. Из нагрудного кармана торчал уголок шёлкового платка цвета бордо.

— Аркадий Эдуардович Бронский, — подал голос оперативник Серёжа Горелов, заглядывая в свой блокнот. — Владелец галереи «Тень» на Арт-квартале. При нём бумажник, деньги и карты на месте. Часы «Патек Филип» не тронуты. Ограбление исключено.

— Галерея «Тень»? — Крестовский медленно выпрямился. — В переулке Кривом, рядом с галереями, носящей имя «Тень», убивают её владельца. Ирония?

— Или послание, — Зоя ловко упаковала в пакетик крошечный фрагмент чего-то, поднятый пинцетом с воротника жертвы. — Может, название галереи и место преступления выбраны не случайно.

Крестовский промолчал. Он обвёл взглядом переулок. Дома здесь стояли тесно, почти касаясь карнизами, и даже днём сюда заглядывало мало солнца, а ночью тени наползали со всех сторон, делая пространство похожим на декорацию к немому фильму ужасов. Единственный фонарь горел вполнакала. За спиной, в глубине переулка, темнела дверь чёрного хода, ведущая, как выяснилось, в подвал галереи. Оттуда тянуло сыростью и чем-то сладковатым, похожим на ладан.

— Свидетели есть? — спросил он.

Горелов кашлянул.

— Один. Бомж по имени Гриша. Он ночует в картонной коробке у мусорных баков, метрах в двадцати отсюда. Говорит, видел мужчину, который вышел из того самого чёрного хода, — оперативник указал на дверь подвала. — Высокий, в длинном плаще, лицо скрыто. Мужчина быстро пошёл в сторону проспекта. Буквально через минуту Гриша услышал крик, а потом тишину. Тело он не трогал, сразу побежал к круглосуточному ларьку вызывать полицию. Говорит, запомнил только одно: у того человека была какая-то неправильная тень.

— Что значит «неправильная»? — Крестовский резко повернулся к оперативнику.

— Гриша сам толком объяснить не может. Мямлит что-то про то, что тень на стене двигалась не так, как человек. Дескать, споткнулся человек, а тень — нет. И ещё... — Горелов замялся. — Говорит, что у тени на руке было шесть пальцев.

В переулке повисла пауза. Зоя, упаковывавшая улики, замерла с пинцетом в руке. Дождевые капли ритмично барабанили по козырьку подъезда.

— Шесть пальцев, — повторил Крестовский бесстрастным тоном, хотя внутри у него всё сжалось от предчувствия беды. — Бомж-алкоголик со стажем. Что он ещё видел? Чёрта с рогами?

— Я бы списал на белую горячку, — согласился Горелов, — но есть одна деталь. На стене, где Гриша якобы видел эту тень, камера наблюдения. Принадлежит галерее «Тень», установлена неделю назад. Бронский, по словам его помощницы, лично распорядился повесить камеру над чёрным входом. Боялся, что вандалы испортят новую инсталляцию перед открытием.

— Запись? — голос Крестовского стал жёстким.

— Уже изъяли, — Горелов протянул пластиковый пакет с флеш-картой. — Помощница, Алла Мещерская, сама её выдала. Ждёт в галерее, хочет поговорить.

Крестовский взял пакет, взвесил на ладони. Крошечная чёрная карта памяти на тридцать два гигабайта. На ней — последние секунды жизни Аркадия Бронского и, возможно, тень его

убийцы. Он опустил пакет в карман плаща и ощутил, как холод от пластика просачивается сквозь ткань.

— Зоя, что у нас со следами?

Криминалистка пожала плечами, отчего её белый комбинезон зашуршал.

— Отпечатков на ручке чёрного хода нет — стёрты тщательно. На теле жертвы — только его собственные. Дождь смыл почти всё с брусчатки. Но есть кое-что интересное, — она подняла прозрачный пакетик, в котором лежал крошечный фрагмент чего-то, напоминающего чёрный бархат. — Это застряло в щели между камнями в метре от тела. Не похоже на одежду жертвы. И ещё — запах. От убитого пахнет не только одеколоном, но и скипидаром, и старым деревом. Словно он недавно был в мастерской художника.

— В галерее как раз готовят выставку, — вставил Горелов. — Помощница сказала, там полно инсталляций из дерева, какие-то театральные декорации. Тема выставки — «Чужая тень».

— «Чужая тень», — медленно произнёс Крестовский, словно пробуя эти слова на вкус. Ему они не понравились. Слишком уж навязчиво всё вращалось вокруг теней. — Ладно, поехали в галерею.

Они оставили Зою заканчивать осмотр и двинулись вдоль переулочка к парадному входу. Галерея «Тень» располагалась в переоборудованном особняке девятнадцатого века, который сам по себе выглядел как иллюстрация к готическому роману: почерневший от времени кирпич, стрельчатые окна, кованые решётки и вывеска, выполненная готическим шрифтом. Над входом висела афиша: «Чужая тень. Новая инсталляция. Открытие 14 октября». Четырнадцатое октября было завтра. Вернее, уже сегодня — стрелки перевалили за час ночи.

Дверь открыла женщина лет тридцати пяти с бледным, заострившимся лицом и тёмными волосами, стянутыми в тугую пучок. Алла Мещерская. Она куталась в серый палантин, хотя в помещении было тепло, и нервно перебирала пальцами край ткани.

— Проходите, — голос её дрожал, но она старалась держаться. — Я не могу поверить... Мы всего пару часов назад обсуждали монтаж, а теперь...

— Соболезную, — коротко сказал Крестовский, входя в просторный холл с высокими потолками. — Расскажите, что здесь происходило сегодня вечером.

Галерея изнутри напоминала театр теней, остановленный на середине действия. Вдоль стен стояли сложные конструкции из фанеры и ткани — силуэты людей, животных, фантастических существ, подсвеченные снизу тусклыми лампами. От каждого объекта на стену ложилась причудливая тень, искажённая, преувеличенная. В центре зала возвышался главный экспонат: огромный белый экран, перед которым на тонких нитях висели вырезанные из чёрной бумаги человеческие фигуры. Лёгкий сквозняк заставлял их покачиваться, и тени на экране двигались, словно жили собственной жизнью.

— Впечатляет, — пробормотал Горелов, озираясь.

— Аркадий Эдуардович называл это «Хор одиночек», — Алла обхватила себя за плечи. — Он говорил, что каждый человек носит в себе чужую тень — тень ожиданий, страхов, навязанных ролей. И эта тень часто сильнее самого человека. Сегодня вечером мы как раз закончили монтировать центральную композицию. Аркадий Эдуардович был очень воодушевлён. Около десяти он сказал, что пойдёт проверить свет снаружи, со стороны переулка — ему важно было, как тени будут выглядеть на стене дома напротив. Это была его идея: зрители должны увидеть тени ещё до входа в галерею, как предчувствие...

— Он пошёл один?

— Да. Я осталась внутри заканчивать с электрикой. Через двадцать минут прибежал какой-то мужчина, бездомный, закричал, что там убили человека. Я выскочила... и увидела Аркадия Эдуардовича. — Алла закрыла глаза. — Это ужасно. Кому могло понадобиться его убивать? Он был безобидным, увлечённым человеком.

— У безобидных людей тоже бывают враги, — заметил Крестовский. — Конкуренты, завистники, личные неприязни.

— Конкуренты? — Алла горько усмехнулась. — Галерея «Тень» едва сводила концы с концами. Аркадий Эдуардович вложил в эту выставку последние сбережения. Он верил, что «Чужая тень» станет прорывом. Но многие считали его чудаком, городской сумасшедший от искусства. Его бывшая жена, Рита, открыто называла его банкротом.

— Бывшая жена. У них были конфликты?

— Постоянные. Рита Бронская — женщина жёсткая, владелица сети антикварных салонов. Она требовала выплаты алиментов, хотя их общий сын давно совершеннолетний, давила через суд, хотела отсудить этот особняк. Говорила, что Аркадий позорит её имя своими «балаганскими тенями». Но чтобы дойти до убийства... — Алла покачала головой. — Нет, это не в её стиле. Она, скорее, наняла бы коллекторов.

Крестовский записал имя в блокнот, хотя прекрасно знал, что память и так зафиксировала каждую деталь. Рита Бронская. Возможный мотив: финансовая выгода, личная неприязнь.

— Кто-то ещё угрожал Бронскому в последнее время?

Помощница замялась, потом словно решилась:

— Был один человек. Анатолий Кривцов. Он приходил два дня назад, кричал в холле, требовал встречи с Аркадием Эдуардовичем. Я слышала обрывки фраз: «Ты украл моё», «Ты ответишь», «Я тебя уничтожу». Аркадий вышел к нему, они поговорили в кабинете минут двадцать, потом Кривцов ушёл. Бледный, злой. А Аркадий потом целый день ходил сам не свой. Я спросила, что случилось, но он отмахнулся: «Старые долги».

— Кривцов — кто он? Художник?

— Нет, — Алла нахмурилась. — Я навела справки после того визита. Анатолий Кривцов — бывший часовщик, сейчас на пенсии. Живёт на окраине, в частном секторе. Говорят, у него золотые руки, он реставрирует старинные механизмы. Какое отношение он имел к Аркадию, я не знаю.

— Адрес Кривцова у вас есть?

— Я записала на всякий случай, — она вынула из ящика стойки ресепшена клочок бумаги. — Вот, Пролетарская, 17.

Крестовский спрятал бумажку в карман. Часовщик, золотые руки, старые долги. В этом что-то было.

— Камеру над чёрным ходом Бронский установил сам?

— Да, за неделю до... до этого. Он переживал, что инсталляция на улице привлечёт вандалов. Камера записывает круглосуточно, данные хранятся на сервере в подсобке, но я сделала копию на флешку для вас. Аркадий Эдуардович сам настраивал угол обзора так, чтобы в кадр попадала стена дома напротив. Он говорил: тени должны быть задокументированы. — Алла вздрогнула. — Теперь это звучит жутко.

— Больше ничего необычного не заметили?

— В последние дни Аркадий стал рассеянным. Один раз я застала его в подвале — он смотрел на старую фреску, которая там сохранилась с дореволюционных времён, и шептал что-то про тени, которые не принадлежат людям. Я подумала, он просто устал.

Крестовский мысленно отметил осмотреть подвал. Но сначала — Кривцов. Показания бомжа, какими бы абсурдными они ни казались, требовали проверки. Если Кривцов действительно тот самый высокий мужчина в плаще, его нужно допросить как можно скорее.

— Серёжа, вызывай группу захвата и едем на Пролетарскую. Алла, вы пока останетесь здесь с дежурным офицером. Если что-то вспомните — сразу звоните.

Улица Пролетарская встретила их запахом дыма из печных труб и собачьим лаем. Частный сектор спал, укутанный предрассветным туманом. Дом номер 17, покосившийся, с резными наличниками и глухим забором, выглядел нежилым. Но свет в окне горел — тусклая лампа без абажура освещала комнату, заставленную часами. Десятки, если не сотни часов: настенные ходики, каминные, будильники, маятниковые механизмы с гириями. Их тиканье сливалось в тревожную какофонию, доносившуюся даже сквозь закрытую дверь.

Крестовский нажал на звонок — старый, механический, с проволочной тягой. Внутри что-то дребезжало. Через минуту дверь приоткрылась, и на пороге возник мужчина. Высокий, сутулый, в растянутом свитере и брюках на подтяжках. Сальные волосы свисали на лоб, глаза смотрели настороженно, но без испуга.

— Анатолий Викторович Кривцов? — Крестовский показал удостоверение.

— Я. А в чём дело?

— Вы знакомы с Аркадием Бронским?

Лицо Кривцова дёрнулось, словно от боли.

— Был знаком когда-то. А что?

— Сегодня ночью Бронского убили. У нас есть основания полагать, что вы были одним из последних, кто видел его живым.

Часовщик отступил на шаг. Его левая рука, до этого скрытая в кармане, выскользнула наружу, и Крестовский машинально отметил деталь: на ней не хватало мизинца. Культия была старая, сглаженная временем, но отсутствие пальца бросалось в глаза, как ошибка в симфонии.

— Убили? — голос Кривцова сел. — Как... когда?

— Около десяти сорока вечера. Где вы были в это время?

— Дома. Я всегда дома по вечерам. Часы ремонтирую, — он кивнул в сторону комнаты.
— Вот, можете посмотреть.

Крестовский прошёл внутрь. Внутри дом напоминал лавку старьевщика: повсюду шестерёнки, пружины, циферблаты, инструменты. Под потолком висели незаконченные работы. На верстаке, под лампой с лупой, лежали разобранные карманные часы — их ремонт явно прервали недавно, лупа ещё была откинута.

— Кто-то может подтвердить ваше алиби?

Кривцов развёл руками:

— Я живу один. Жена умерла пять лет назад. Ко мне редко кто заходит.

— Однако два дня назад вы заходили в галерею «Тень» и угрожали Бронскому. Свидетели это подтверждают.

Часовщик сгорбился ещё сильнее.

— Я не угрожал. Просто... мы давно не виделись. Я просил его вернуть одну вещь. Очень важную для меня. Он отказался. Я вспылил, да. Но убивать? Зачем мне?

— Что за вещь?

Кривцов долго молчал, глядя на свои руки.

— Часы. Не простые. Это был механизм, который когда-то изготовил мой прадед для одного... очень необычного заказа. Семейная реликвия. Бронский выкупил их на аукционе пятнадцать лет назад. Я их искал всю жизнь. А когда нашёл — он отказался даже показать. Сказал, что часы стали частью его новой инсталляции. Частью какой-то чёртовой «Чужой тени».

Внутренний голос Крестовского, тот самый, что ни разу не подводил его за пятнадцать лет службы, зазвенел тревожно. Часы. Инсталляция. Тень. Слишком много совпадений.

— У вас есть фотография этих часов?

— Нет. Но я могу нарисовать схему механизма. Прадед был гением. Он делал часы, которые показывали не только время...

— Что же ещё?

Кривцов поднял глаза — и в них промелькнуло что-то тёмное, затравленное.

— Время человека. Понимаете? Не минуты и часы, а само время. Сколько кому отмерено. Говорят, механизм мог предсказать смерть с точностью до дня.

Горелов, стоявший у двери, хмыкнул. Крестовский же не смеялся. Он слишком многое повидал, чтобы с ходу отмечать самые безумные версии.

— Мы вынуждены попросить вас проехать с нами в отдел, Анатолий Викторович. Для более детального разговора. Дело об убийстве — сами понимаете.

Кривцов обречённо кивнул и, не говоря ни слова, снял с вешалки старое пальто.

В отделе было душно, пахло дешёвым кофе и хлоркой. Крестовский сидел в своём кабинете, вращая в пальцах флеш-карту, и ждал, пока дежурный оформит задержание Кривцова. Формально для задержания оснований было маловато — только показания бомжа и факт недавней ссоры. Но чутьё говорило: часовщик знает больше, чем говорит.

Он вставил флешку в ноутбук. Файл открылся — видеозапись высокого разрешения, чёрно-белая, с временной меткой. Камера охватывала кусок переулка и стену дома напротив — ту самую кирпичную кладку, по которой гуляли тени от фонаря и, вероятно, от инсталляции. Крестовский промотал до двадцати двух тридцати.

На экране появилась фигура. Аркадий Бронский вышел из чёрного хода, поднял голову, осматривая что-то наверху. Сделал несколько шагов в сторону стены, остановился. Лица почти не видно — только силуэт. Он стоял, жестикулировал, словно говорил сам с собой или с кем-то невидимым, затем повернулся к двери. В этот момент из глубины кадра, из-за мусорных баков, отделилась вторая тень.

Тень двигалась быстро, скользя по кирпичной стене. Это был мужской силуэт в длинном плаще. Человек приближался к Бронскому, но в кадре по-прежнему была видна только его тень на стене. Сама фигура пряталась в слепой зоне — камера фиксировала лишь проекцию. Крестовский подался вперёд, увеличил громкость. Никакого звука, кроме шума дождя и далёкого гула города.

Тень замерла за спиной Бронского. Тот не оборачивался — не слышал, не чувствовал. Затем тень резко взмахнула правой рукой. В руке блеснуло лезвие — нож, длинный и узкий. Одно движение, молниеносное, точное. Бронский выгнулся, схватился за грудь, начал оседать. Тень отступила на полшага, наклонилась, словно проверяя, готов ли, потом быстро удалилась обратно за баки.

Крестовский прокрутил момент удара несколько раз. Профессиональный удар, как и сказала Зоя. Убийца знал анатомию. Теперь самое важное: рассмотреть тень детально. Он поставил на паузу в тот миг, когда рука с ножом была максимально вытянута, и начал увеличивать изображение.

Кирпичная кладка, шероховатая, местами покрытая влажными разводами. Тень ложилась на неё чётко, контрастно. Левая рука убийцы была прижата к груди — он прятал её под плащом. Но тень левой кисти всё равно частично попадала на стену, и когда человек развернулся, чтобы уйти, тень руки на мгновение выскользнула из-под плаща.

Крестовский затаил дыхание. Он приблизил фрагмент до максимума. Изображение пошло пикселями, но очертания пальцев читались безошибочно.

Большой. Указательный. Средний. Безымянный. Мизинец... И ещё один палец, шестой, такой же длинный и отчётливый, растущий от ребра ладони.

Он смотрел на стоп-кадр целую минуту, не в силах отвести взгляд. Шесть пальцев. У тени было шесть пальцев на левой руке.

У Анатолия Кривцова, задержанного по подозрению в убийстве, на левой руке не хватало мизинца. Он физически не мог отбрасывать такую тень. Но если тень не принадлежала Кривцову, то кому она принадлежала? И как такое вообще возможно?

Крестовский откинулся на спинку стула. Холодок пробежал по позвоночнику — тот самый, предвестник очень плохих дел. Тень не просто была чужой. Она была невозможной. А значит, либо бомж Гриша был не таким уж сумасшедшим, либо весь этот мир сошёл с ума.

Он снова взглянул на экран. Тень на кирпичной стене застыла в неестественной позе, и её шестипалая рука казалась самостоятельным существом, отдельным от убийцы, от жертвы, от всего живого. Казалось, она ждала. Ждала, когда кто-нибудь заметит её уродство и поймёт: это не ошибка, не дефект записи, не игра света.

Это — послание.

Крестовский медленно закрыл ноутбук. В кабинете вдруг стало слишком темно, а за окном, над крышами, начало сереть — близился рассвет. Он почувствовал, что расследование только начинается, и где-то в его центре, в гуще теней и старых механизмов, прячется истина, которая, возможно, навсегда изменит его представление о том, где кончается человек и начинается его тень. А главное — о том, кому эта тень на самом деле принадлежит.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.